

СВЕТЛАЯ И ГРУСТНАЯ НОТА

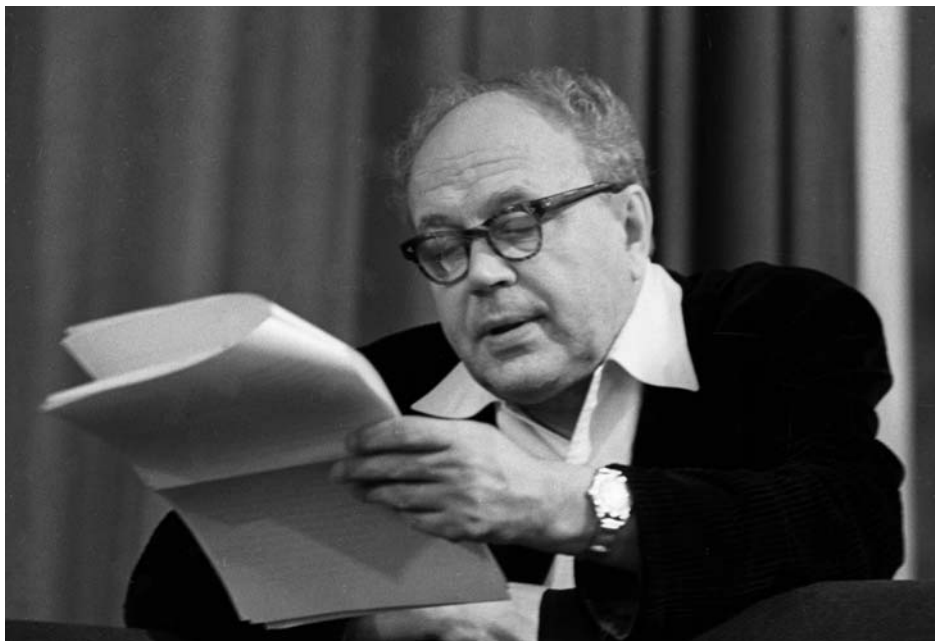
Замечательный художник Эдуард Кочергин, работавший с Борисом Ивановичем Равенских над спектаклем Малого театра «Возвращение на круги своя» Иона Друцэ, оказавшимся последним спектаклем выдающегося режиссера, написал о нем: «Всю жизнь свою искал правду страстей, чаяний, правду человеческой души». И эти слова сегодня, с дистанции времени, воспринимаются поистине пророческими, потому что, как оказалось, Равенских был одним из последних мастеров, для которых эти понятия – страсти, чаяния, человеческая душа – были определяющими в театральном искусстве, в высоком осознании профессии, полученном из рук Всеволода Эмильевича Мейерхольда.

27 июня нынешнего года явно без пафоса и торжественных событий пройдет **105-летие** со дня рождения **Бориса Ивановича Равенских**. Давно забыт в Театре Сатиры триумфальный спектакль «Свадьба с приданным»,

снятый позже и порой мелькающий на телевизионных экранах с юной и блистательной Верой Васильевой; совсем иной жизнью живет сегодня Московский драматический театр им. А.С. Пушкина, которым когда-то Равенских руководил и где шли незабываемые, наполненные мощнейшим музыкальным напором и не прекращающейся ни на миг энергией глубокой внутренней жизни героев спектакли «Романьола», «Поднятая целина», «Дни нашей жизни», «Метель», «Дуэль», «Драматическая песня»; сохранился на подмостках Малого театра лишь «Царь Федор Иоаннович», сменивший несколько поколений исполнителей да неумирающие легенды о «Власти тьмы», «Птицах нашей молодости» и «Возвращении на круги своя»...

Но те, кто видел названные спектакли, вряд ли могут их забыть, несмотря на прошедшие десятилетия и обилие виденных за это время великих, выдающихся и очень разных театральных работ. Потому что в мощ-

Борис Равенских

ном многоголосом хоре той, прежней сценической жизни, равной Жизни во всей ее полноте и многообразии, незаемной, ярчайшей, эмоционально захватывающей мелодией звучал голос режиссера Бориса Равенских. Он завораживал страстью, выраженной через музыкальное звучание, через танец, пластику в те моменты, когда человеку не доставало слов, чтобы выразить свое состояние; как никто другой, он умел точно определять, что ощущают его персонажи в миг наивысшего напряжения мысли, чувства, порыва. И – ведал силу тех трех великих таинств, о которых писал Л.Н. Толстой: таинства рождения, жизни и смерти. Так и совпало все мистически или вполне объяснимо, что последний спектакль Бориса Ивановича Равенских был об уходе Толстого из Ясной Поляны и смерти его на станции Астапово.

Этот великий спектакль с выдающимся Игорем Ильинским в главной роли вышел на подмостки меньше, чем за год до трагического ухода режиссера: Борис Иванович умер в подъезде собственного дома на руках у своего ученика Юрия Иоффе. А в кармане Равенских лежала долгожданная бумага с разрешением открыть свой театр, с верными, влюбленными в него учениками. В этот день прошла читка пьесы, которую он давно мечтал поставить, — «Шесть персонажей в поисках автора» Л. Пиранделло.

Эту пьесу спустя много лет воплотил на сцене любимый ученик и верный последователь Равенских Валерий Белякович, унаследовавший от своего Мастера мощную энергетику, чувство внутреннего ритма существования, напор страстей, любовь к той русской народной стихии, о которой писал в связи с режиссурой Равенских Эдуард Кочергин. Исполнив мечту своего учителя, память о котором он боготворил, Валерий Белякович был изгнан из стен Московского драматического театра им. К.С. Станиславского, которым он несколько лет руководил, а спустя несколько лет и он ушел, повинувшись все тому же вечному таинству смерти почти в том же возрасте, что и его незабвенный Мастер.

Когда Бориса Ивановича не стало, драматург Ион Друцэ написал: «Убили художника...» И в этих горьких словах была горькая

Борис Равенских и Игорь Ильинский на репетиции спектакля «Возвращение на круги своя»

истина. Но так уж устроена человеческая память, что с годами и десятилетиями утрат вспоминать хочется то, что было подарено нам щедрым мастерством и не утратило своей эмоциональной силы с течением времени. И вспоминается тот неяркий, но согревающий свет, что исходил от одной из самых мрачных пьес русского репертуара «Власть тьмы»; что не таял навсегда, медленно исчезая на лице мирающего Толстого в «Возвращении на круги своя»; что наполнял душу в диком, словно импровизированном танце Павки Корчагина в «Драматической песне»; что оведал в поэтической притче «Птицы нашей молодости»...

Имя Бориса Ивановича Равенских сохраняется в благодарной памяти по-особому звучащей, протяжной, светлой и грустной нотой в многострадальной истории отечественного театрального искусства. Особенно сегодня, в ту эпоху, о которой очень верно сказала в одном из своих интервью Вера Васильева: «Тенденция нынешнего времени – вытеснить прежнее. Этот век хочет забыть то, что было...»

Будем верить, что ему это все же не удастся.

Наталья СТАРОСЕЛЬСКАЯ